

ДМИТРИЙ

День во дворце начался рано, после вторых петухов — около четырех часов. Будили Дмитрия Иоанновича слуги постельничие, бывшие дворянами, а то и боярского рода. Сначала покашливали в коридоре, потом стучали в двери. Дмитрий был нрава кроткого. После утреннего туалета и умывания князь шел во домовую церковь, на заутреню. Церковь, можно сказать — небольшая часовенка — находилась во дворце, во внутренних покоях, куда посторонним хода не было. Только великий князь, да княгиня с детками, да священник могли переступить ее порог.

Службы князь посещал исправно, поскольку воспитан был Патриархом. Молился, просил у Господа заступничества и удачи в делах, коих было великое множество, больших и малых. И все требовали неусыпного внимания.

Много врагов у Москвы — тайных и явных, внешних и внутренних. Одни бояре чего стоили! Без них нельзя, за ними ополчение боярское, деньги, сила. А чуть с ними пожестче — бегут. То к Олегу Рязанскому, врагу Дмитрия, то в Литву окаянную, к Оль-

герду. И ведь не сделаешь ничего, право имеют. Иной боярин по древности рода, да по богатству, да по численности рати был ровней, а то и превосходил великого князя, и оттого чувствовал себя уверенно. При встрече хоть шапку не ломал, но кланялся не в пояс, как менее родовитые бояре.

После заутрени князь шел к супружнице, если не свиделись в церкви, потом в детскую — пожелать здоровья и многие лета.

А уж потом — завтрак. Совсем скромный: щи стоялые, холодец на свиных ушках, белорыбицу копченую да под пряженцы — с луком, яйцом. Если вина, то совсем чуть-чуть, известное дело — сухая ложка рот дерет, больше пили меда с травами.

Любил великий князь поест, знал, что грех то, чревоугодничество, каялся, однако поделаться с собой ничего не мог. Потому с возрастом стал плотен и дороден. Опять же, коли сановник важный, так и дороден должен быть, чтобы видели — не нищий идет, у боярина закрома полны. И тараканы на кухне да в трапезной свидетельствовали о достатке хозяина; стало быть, было чем мерзким насекомым в доме поживиться, не беден хозяин. Это у холопов в деревнях да по весне, когда иной раз кроме репы из еды не оставалось ничего, тараканы избенки курные оставляли.

Дородство сие у Дмитрия чрезмерным было, заботы доставляло — одышку, да и доспехи бранные едва ли не каждый год обновлять приходилось. Ведь кольчуга — не рубаха, железо не растянется.

И верхами ездить князь не любил, потому как не каждая лошадь выдержать его могла. Подбирала

дворня ему рысаков специально, выискивая по всему княжеству. Да и в седло садиться приходилось с помощью четырех слуг, дюжих мужичков, которых специально для этого держали. По чину положено было это рындам делать, сыновьям боярским, что в белых кафтанах и с топориками на плечах великого князя свитой сопровождали. Должность почетная, первая ступень в боярской иерархии, только вот стать у юношей не мужицкая, силы не хватало помочь великому князю в седло подняться.

Это в юности, когда осиротел в девять лет, занимался воинскими искусствами — фехтовал, стрелял из лука, кистень кидал и боролся. Когда было жирком обрастать? В последние же годы все больше головой работал — не руками. Да и то — ни спослал Господь боярина Бренка в помощь. Умен, хитер, изворотлив. Насколько послы заморские хитры — целую речь скажут, а конкретного — ничего, Бренок ухитрился выловить ценные крупичицы и потом в приватной беседе все разложить по полочкам. И в бою не пасовал, чувствовался опыт воинский. Дмитрий доверял ему наравне с воеводами ополчение свое да союзников в походы водить. И не подводил ведь ни разу, редкое ныне качество.

Большая вера только к митрополиту Алексею была. Он после плена своего да побега из темницы Ольгердовой за княжича печалился, его стараниями Дмитрий на престол взошел, ярлык на княжение получил. Вспомнить только Нижний Новгород, когда по велению митрополита Сергей Радонежский все церкви в городе закрыл.

А Москва рати на Нижний двинула. До сечи не дошло, испугался Борис Константинович, Дмитрию уступил. Давно это было, в далеком уже 1362 году.

После завтрака отдохнуть немного надо: встал-то рано князь, притомился уже. А уж после — принимать послов иноземных да бояр. Хорошо, Бренек выручает, подсказывает на ушко, что сказать надобно, а иногда и сам переговоры ведет. Дмитрий лишь головой покачивает одобрительно.

Утомительное дело — прием послов. Это на нашего боярина голос повысить можно, коли провинился, али за заслуги деревенькой пожаловать. А с иноземными послами, что являются представителями своих властителей, надо вести себя любезно и обходительно, говорить ласково, тщательно взвешивая слова. Обидишь ненароком — и могут учиниться препятствия для торговли, или еще хуже — война. А она Москве сейчас ох как не надобна! Только с Тверью все утихомирилось, как зять тверского князя Михаила Ольгерд к Москве с ратью подошел. Город не взял, но людишек многих из посада и весей в полон увел. И пожар страшный, московский, уничтоживший город и кремль, после которого строиться заново надо. Сколько денег из казны да кошель людских ушло! Правда, поступили разумно, отказавшись строить деревянные постройки — только из камня, благо, в окрестностях карьеры каменные были. Ох, дела и заботы тяжкие!

А еще ведь послам дары ответные поднести надобно. По традиции дары ответные должны быть

не хуже и не дешевле тех, что послы привезли. А как узнать? Вот и крутились служивые люди казначейские, желая выведать, что обоз посольский в Москву везет. На постоянных дворах да ямах пытались исподтишка в подводы заглянуть.

Султан османский саблю передал булатнойковки, да изукрашенную богато самоцветами, да в ножнах работы тонкой. А Москва ему в ответ — сундучок неприметный, с сушеными языками осетра. Стоимости содержимое немалой, ценилось в Османской империи высоко, потому как применялось для изготовления луков. Известное дело, у басурман обычай был. Каждый султан должен был в совершенстве знать и уметь изготавливать луки. И признаться надо — делали они их отменно. Видели наши послы: их луки на триста сажений били — супротив ста у татар.

За подарок сей султан благодарственную грамотку прислал, доволен остался. Потому подарок не только равноценен должен быть, но еще и к сердцу припасть. А сколько за этим трудов стоит? Только великий князь, ближние бояре да казначей знали. Ох, молодец Михаил Бренок! Половину забот с его великокняжеских плеч снял. После приема послов бояре на прием приходят — с просьбами да челобитными. И ладно бы серьезные дела, государевы! То холопы одного боярина лес порубят в дубраве у соседа, то рыбу в озере выловят... Тьфу! Не великого князя то дела, мелочь.

Вот Михаил и решал сии дразги. В начале самом в присутствии самого Дмитрия, а уж после, как поднаторел — и сам. Великий князь только рад,

больше времени останется на отдых да посещение храмов и монастырей.

Вот так незаметно, по-тихому и стал Михаил Бренок правой рукой великого князя Московского Дмитрия Иоанновича, ближним боярином и наперником.

Происходил Бренок из Брянска, что ныне в пределы Великого княжества Литовского входит. Не захотел под Ольгердом оставаться, перебрался на Русь, в Серпухов. Пригрел его князь Серпуховской, двоюродный брат Дмитрия, со временем воеводой Бренка сделал. Это уж позже заметил Дмитрий Михаила, к себе переманил.

А преуспел Михаил Бренок в Серпухове премного. Одни дозоры порубежные, что он установил на южных рубежах, чего стоят. Остроги для дозоров поставил, бояре с малой ратью порубежье по полгода стерегут. Потом меняются. Одно слово — голова!

Не жалел потом князь ни дня, что Бренка переманил. По возрасту боярин немного постарше Дмитрия был — вроде как старший брат. Отца-то, Иоанна Иоанновича, внезапно умершего в 1359 году, Дмитрий помнил смутно, поскольку было ему тогда девять лет — мальчонка совсем. Уж позже митрополит Алексий распространил среди бояр сказку о том, что родитель Дмитрия на смертном одре просил его, митрополита, позаботиться о сыне. Да и то сказать, ведь дедом Дмитрия был Иван Калита, собиратель земель русских, потому род был древний, от Рюриковичей.

Сегодня Михаил по праву ближнего боярина с

боярами разбирался, а Дмитрий Иоаннович, почувствовав себя проголодавшимся, ушел в княжескую трапезную, отобедать. Иногда, под настроение, обедал один — как сегодня. Чаще — с боярами приближенными. Трапеза длилась иногда с полудня и до сумерек, поскольку за столом не только ели, а еще и дела решали.

Не все разговоры и решения можно было в Боярской думе обсуждать, слишком много там несогласных было. Крику да обид было много, иногда за волосы друг друга таскали, забыв о звании боярском. Одного нельзя было — бороду трогать, иначе обида смертная, роды ссорились на многие годы.

Дмитрий давал на Думе боярам возможность пошуметь, пар стравить. А уж как до рукоприкладства доходило, знак рындам давал, чтобы спорщиков разняли да рассадили.

Откушал князь славно, так, что еле встал из-за стола, отдуваясь. После обеда — известное дело — отдохнуть надо от трудов праведных. Перина в опочивальне мягкая, подушка лебяжьего пуха высокая, сон сама навевает.

Едва встал, а уж Бренок в дверь стучит, с поклоном да с грамотками — на утверждение и подпись. Дмитрий читать не стал, взялся за перо.

— Чем порадуешь, боярин? — подписав грамотку, спросил Дмитрий.

— Кушцы ганзейские были, обещают железо хорошее доставить, сколь надобно.

— Ага, за серебро полновесное! А что хотят, что просят?

- Милости малой — от пошлин освободить.
- Эка хватили! Да, почитай, вся торговля заморским товаром через них идет!
- В силе сейчас Ганзейский союз, ни один корабль по Неве-реке да Балтике без их ведома не уйдет.
- Знаю, — досадливо махнул рукой великий князь. — Что еще?
- В Орде заматня продолжается, никак власть ханскую не поделают. Сегодня купцы рассказывали.
- То для Руси хорошо. Ежели они меж собой драться будут, им не до походов на Русь станет. Еще бы дань им не платить, так и вовсе славно будет.
- Орда на две части раскололась — о том ты, княже, ведаешь. На правом берегу Итиля, как они, басурмане, Волгу называют, темник Мамай утвердился. Однако же ханом ему не быть никогда — в жилах кровь Чингисхана не течет. Сила есть, а родом не вышел. На левом берегу, в Синей Орде, Тохтамыш правит. Сила у обоих равная.
- Столкнуть бы их лбами, — мечтательно произнес князь.
- И не мечтай, княже! Это они меж собой дерутся, кровь друг другу пускают. А доведись враг со стороны, иноверец — вмиг объединятся. Сила ратная тогда великая случится, нам не устоять.
- И нам объединяться надобно, давно уж пора междоусобицы прекратить.
- Пора! Только у тебя договоры с Тверью и Великим Новгородом, скажем, есть, а много ли помощи ты от них получил?

— Ратников бы нанять в дружину — тех же немцев или генуэзцев, да казна пуста.

— Вот об этом и поговорим, княже.

— Вот ты всегда так! Думал, славно день прошел — так нет, ты про деньги!

— Казна — главное для государя, князь! Коли сундуки золотом-серебром полны будут, ни голод, ни враг не страшны. Случись неурожай, хлеба можно подкупить — хоть в той же Рязани. А войной кто пойдет, так ратников и охочих людей кликнут. За звонкую монету любой захочет удаль молодецкую показать.

— Да что ты меня уговариваешь, ровно девку? Говори, с чем пришел!

— Надобно налоги изменить, князь.

— Повысить, что ли?

— Нет, княже. Нам налог со двора все платят — хоть купец, хоть ремесленник, хоть крестьянин или холоп.

— Мне ведомо.

— Так это со двора. А надо с оборота брать. Тогда богатый купец будет платить больше, простой же ремесленник — столько же, а может, и меньше. Доходы в казну повысятся, а народных волнений избежать удастся.

— Хм... — Князь удивленно посмотрел на Михаила. — Похоже, так и получится. Сам удумал?

— Сам.

— Молодец, голова! С боярами не обсуждал?

— Пока нет, тебе первому говорю, княже.

Дмитрий одобрительно кивнул. Все правильно Михаил делает. Сначала князь должен узнать,

одобрить, а потом уж и с Думой боярской обсуждать. Конечно, богатым людям это не понравится, но государство вынуждено взимать налоги. На строительство крепостей, на войну, на содержание чиновных людей деньги надобны, а где их взять? Московия — не татарва окаянная, что набегами да разбоем живет. С соседями надо мирно жить, но свою линию гнуть. Где лаской, где деньгами, где ратью помочь в трудной ситуации, да договорами подкрепить, а все едино свой интерес блюсти.

— Какой у нас день ноне?

— Так февраль, княже, десятое.

— Купцы из Кафы со дня на день прибыть должны, меня соглядатаи известили.

— Ох, княже, гнать их взащей надобно. У фрягов одна мыслишка — лапу наложить на торговлю мехами и воском. Помнишь, как три года назад купец греческий Некомат Сурожанин людишек московских подкупил? Даже тысяцкий ополчения московского Вельяминов, старший брат твоего воеводы Николая, во главе заговора встал?

— Не запомятовал еще!

— Так генуэзцы за тем заговором стояли, на их денежки предательство учинялось.

— И не говори, Михаил свет Андреевич! Проклятые латиняне! Ноне они с Мамайкой снюхались. Где наживой пахнет, там их ищи.

— Мамай-то им зачем сдался?

— Э! По земле ордынской, почитай, половина шелкового пути проходит. Вот и затеяли купцы генуэзские дружбу с темником водить. Только не

дружбой там пахнет, а монетой звонкой. Прикупили они Мамаю. Так что наемников генуэзских в войско брать нельзя. Сильная у них пехота, слов нет, особенно копейщики. Только это все равно что змеюку в дом пустить.

— М-да! А какие еще новости?

— Митрополит Алексей плох.

— Спаси и сохрани! Так лекарь немецкий его пользует, священники службы за здоровье каждый день проводят.

— Лета, однако, да испытания тяжкие. Один плен литовский чего стоит.

— Ниспошли, Господи, здравия и долгие лета митрополиту! Устал я что-то, Михаил Андреевич, отдохнуть хочу.

Бренек откланялся.

Великий князь растянулся на ложе. Надо обмыслить положение. Купцы-то ладно, невелики птицы. Вот с митрополитом что? Пока Дмитрий был мал, Алексей практически правил княжеством. С годами советчиком незаменимым стал. Только последний год болеет часто, похоже — не протянет долго. А митрополит в княжестве нужен, да из русских — не из варягов, такой, чтобы Русь объединить помог. Надо будет с Бренком посоветоваться. Не церковный он человек, но совет дельный дать может.

Следующим днем князь спросил ближнего боярина.

— Что ты, князь! Ведь митрополит-то жив! Как можно человека подбирать, когда престол святой занят?

— Мы с тобой, Михаил, люди государевы, вперед смотреть должны.

— Ну, если так, то думаю: Сергей Радонежский — самая подходящая фигура.

— И я тако же мыслю.

День прошел в хлопотах, а утром гонец принес печальную вестъ о кончине митрополита. Жаль было святого старца, до слез жаль. Как будто отца потерял. Ведь он выпестовал, наставлял молодого князя, от бед многажды уберегал. Вдруг вспомнилось, что в 1357 году хан ордынский потребовал себе в Орду Алексия для исцеления от слепоты своей любимой жены Тайдуллы. Не хотелось Алексию к басурманам ехать, однако прибыл. Отчитал молитвы, окропил супружницу ханскую святой водой, и чудо свершилось — прозрела слепая! Молвил хан в изумлении: «Велик Бог христианский!» И назвал городишко малый на Руси Тулой в честь жены. Правда, правили там баскаки ханские.

По завещанию Алексия погребли его в Чудовом монастыре.

Преподобный Сергей Радонежский отказался надеть митрополичий клобук. Тогда в Москве собрались епископы на Собор. По воле великого князя Дмитрия избрали митрополитом его духовника Митяя. Воспротестовал епископ Суздальский Дионисий, объяснил великому князю, что без согласия и воли Вселенского Патриарха Константинопольского возведение Митяя на святой престол будет незаконным. Митяя срочно постригли в монахи, дав при постриге имя Михаил, и послали с посольством в Константинополь. Среди посланных в свите

его оказался Пимен, честолюбец, человек низкий. Мамай, считая, что новый митрополит поможет повлиять на князя Дмитрия, пропустил корабль с посольством по Дону до Черного моря.

Долго плыли вкруговую, в виду берегов, до Константинополя. И вблизи города, когда до него рукой было подать, Митяй, человек здоровый и никогда дотоле не болевший, внезапно скончался. Пимен, использовав деньги посольства, подкупил членов Святого Синода и, представ перед Патриархом Вселенским Нилом, был возведен в сан митрополита.

Так игумен Переяславского монастыря Пимен в июне 1380 года стал митрополитом, получив благословение патриарха.

Забегая вперед, можно сказать, что новый митрополит благополучно вернулся с посольством в Москву.

Князь Дмитрий узнал о внезапной смерти Митяя на корабле. Выводы делать он умел. Пимена схватили, сорвали с него белый клобук и сослали в Чухлomu.

В Москву патриархом Нилом был послан выходец из Болгарии, митрополит Киприан. Он приступил к исполнению своих прав, но был схвачен слугами Дмитрия Иоанновича, ночь провел в узилище и был выдворен из Москвы. Взбешенный Киприан 23 июня предал Дмитрия Иоанновича анафеме.

События стали сыпаться по нарастающей. В прошлом году мурза Булат-Темир разорил села нижегородские, за что Дмитрий Нижегородский с братом Борисом, чьи села пострадали сильнее всех,

настиг мурзу у реки Пьяне. Татары сечу не выдержали, бежали. Многие были убиты, многие утонули в реке. Сам Булат-Темир ушел в Орду, где разгневанный хан Азис велел его удушить тетивой от лука.

Взбешенный поражением татар от русских, темник Мамай послал царевича Арапшу с войсками на Русь — наказывать примерно. Соседи нижегородцев, мордва, взялись указать безопасный путь, броды. Дмитрий Суздальский узнал о походе и смог известить великого князя Дмитрия об угрозе.

Властелин московский успел собрать войско из ратников переславльских, юрьевских, муромских, ярославльских и суздальских, выехал с войском навстречу врагу. Долго ждал татар, но, не дождавшись, решил, что татары передумали, испугавшись его рати, и возвратился в Москву. Войско же под предводительством Иоанна, сына Дмитрия Константиновича, и князя Симеона Михайловича, осталось у реки.

Лето, жарко. Поверив слухам, что татары далеко, князя с воеводами решили потешиться охотой. Воины, утомленные зноем, сняли броню и сложили ее на телеги обоза. Сами же стали пить крепкий стоялый мед и пиво. Знамена полков стояли уединенно, прапорщики присоединились к веселящимся.

Князя мордовские лесными дорогами подвели к стану русских Арапшу, который был «карла станом, но великан мужеством, хитер на войне и свиреп до крайности».

Царевич окружил войсками стан и ударил с пяти сторон. Русские ратники бежали к реке. По-

гибло множество воинов и бояр. Князь Симеон Михайлович был изрублен, князь Иоанн Дмитриевич утонул в реке.

Татары, оставив караул малый с пленниками и обозом, на третий день объявились у Нижнего. Князь Дмитрий Константинович успел бежать в Суздаль, многие жители — на лодках вверх по Волге, тем и спаслись. Татары же убили оставшихся жителей и сожгли город. Мордва по следам татар бросилась грабить русские земли.

Разор получился великий. Что не успели взять трофеями и сжечь татары, довершила мордва.

Князь Городецкий, Борис Константинович, вместе с племянником Симеоном Дмитриевичем и воеводой великого князя Свиблом зимой опустошил в отместку землю мордовскую — данника ордынского, истребляя людей, и сжег жилье. Взяли в плен множество людей — жен и детей, казнили их в Нижнем, отдав на расправу толпе. Народ в злобном остервенении волочил их по льду, бил палками, травил псами. Раздетых их утопили, бросив в полынью.

Сия месть возбудила гнев Мамаев — русичи покусились на земли союзников и данников. Надобно было показать им, кто хозяин на земле русской. Только Орда может решать, кого казнить, кого милловать. Мамай приказал мурзе Бегичу собирать войска и идти на Нижний — разорить его дотла.

С тем и пришел утром Михаил Андреевич к великому князю.

— Здрав буди, Димитрий Иоаннович!

— И тебе здравствовать, Михаил Андреевич!

С чем пожаловал?